

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук**

TERRA EURASICA:
к 60-летию академика Б. В. Базарова

Иркутск
Оттиск
2020

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т35

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»

Ответственные редакторы:

чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д-р ист. наук, проф. Л. В. Курас

Рецензенты:

д-р ист. наук А. М. Плеханова
д-р ист. наук, проф. В. Д. Дугаров
д-р ист. наук, проф. Е. И. Лиштованный

Т35 Terra Eurasica: к 60-летию академика Б. В. Базарова: Сборник научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. – 300 с.

В сборник включены статьи, подготовленные к 60-летию юбилею академика Б. В. Базарова. Рассматривается широкий круг проблем всемирной и отечественной истории, начиная от первобытной археологии до современных вопросов экономической интеграции на евразийском пространстве. Большое внимание уделено Байкальской Азии, истории Монголии.

Книга предназначена для историков, специалистов в области общественных и гуманитарных наук, а также всех интересующихся вопросами отечественной и всемирной истории.

ISBN 978-5-6045121-3-5

© ИМБТ СО РАН, 2020
© Б. В. Базаров, 2020
© Н. Н. Крадин, 2020
© Л. В. Курас, 2020

УДК 353 (470) (091)

ББК Х81(2)

Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

Российские окраины в системе внутренней политики империи XVIII – начала XX вв.: концепты, закон и практика

Рассматриваются особенности формирования бурятского этноса и на этой основе анализируется политика империи в национальных районах, отмечается появление новых теоретических конструкций империи, связанных с осмыслением идеи «единой и неделимой России» и теорией «внутреннего империализма», появление русских анклавов, своего рода островков среди обширного азиатского мира, что неизбежно повлекло появление теорий «мирного завоевания», «оживления» окраин, «водворения русской гражданственности», а в конечном итоге идеи обрусения народов. Анализируются проекты центральной и местной администрации на этот счет, концептуальные предложения и конкретные решения.

Ключевые слова: академик Б. В. Базаров, юбилей, история Бурятии национальные окраины, имперская политика, концепты, закон, практика.

Одной из величайших территорий, которую когда либо осваивал человек за всю свою историю, была Сибирь. Процесс освоения Сибири, начавшийся в XVII в., сопровождался колоссальными усилиями русского народа и имел длительную историческую перспективу. Для народов Сибири, среди которых на первом месте по численности были буряты, процесс вхождения в состав России означал начало новой исторической цивилизации, каждый из этапов которой имел свои отличительные черты: полиэтничность, региональные, в том числе внешнеполитические особенности, личностный фактор, взаимодействие культур, формирование единого социокультурного пространства. Большое влияние на формирование бурятского этноса оказало чрезвычайно выгодное геополитическое положение – соседство с древнейшими культурами центральной Азии – Монголией и Китаем, пересечение миграционных потоков и торговых путей и, как следствие, знакомство с буддизмом, который оказал несомненное значительное влияние на фор-

мирование не только религиозных представлений, но и многих иных сторон жизни бурятского общества. Хронологически это явление совпало с началом распространения православия среди бурят, знакомством их с русской письменностью. Влияние этих двух мировых религий легко прослеживается и на примере современного бурятского общества.

Освоение Сибири, ее земледельческая колонизация и инкорпорация в состав России на всех этапах сопровождались ее изучением, а сам процесс познания, поднимаясь от примитивных «отписок» и «сказок» первопроходцев, на каждом этапе имел свои особенности, пока не принял современный вид. Характерной особенностью этого явления стало появление разнообразных проблем, диктуемых условиями времени. Одной из наиболее значимых на всех этапах освоения и инкорпорации Сибири в состав России стало осмысление судеб народов Сибири в составе России. Последнее обстоятельство отмечено отнюдь не случайно. Продвижение землепроходцев в глубь Сибири не было каким-то исключительным явлением, свойственным только для Русского государства. Аналогичные тенденции можно наблюдать на примере многих европейских государств. Сопоставима и типология этого процесса. Однако начало массовой миграции крестьян в Сибирь в XIX в., появление теоретических конструкций империи, связанных с осмыслением идеи «единой и неделимой России» и теорией «внутреннего империализма», появление русских анклавов, своего рода островков среди обширного азиатского мира неизбежно повлекло появление теорий «мирного завоевания», «оживления» окраин, «водворения русской гражданственности», а в конечном итоге идеи обрусения народов Сибири. Сценарные планы осуществления этих теорий были различны. Но все они предусматривали поглощение азиатских окраин империи русским национальным ядром, что вполне вписывалось в планы правительства по политическому и территориальному конструированию империи. Предлагаемые теоретические концепты не ограничивались тишиной кабинетов, а широко тиражировались в различных газетах и журналах, становясь тем самым важным фактором формирования общественного мнения. Вполне закономерно поэтому, что обострение национального вопроса на имперских окраинах породило и встречное движение в лице национальной интеллигенции, руководителей органов национального самоуправления, которые к тому времени зачастую выступали в виде авторитетных научных экспертов. В этнической

Бурятии, а сегодня это территория трех субъектов Российской Федерации – Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области, это были первый бурятский ученый Д. Банзаров, известный фольклорист и этнограф М. Н. Ханалов, видный деятель бурятского национального движения и историк М. Н. Богданов, главный родоначальник идинских бурят И. Пирожков, тайша хоринсокого ведомства Э. Вамбоцыренов, ученый-монголовед и общественный деятель Ц. Ж. Жацарано, депутат Государственной думы II созыва Б-Д. Очиров др. Интерес к истории своего родного края, народа, его истории и культуре, накопление знаний о них – в высшей степени благородное, а с точки зрения общества – весьма значимое дело. В этом смысле первые постсоветские годы в истории современной России ознаменовались появлением целой серии различного рода изданий – от популярных брошюр, отдельных книг до фундаментальных академических трудов, посвященных истории субъектов федерации современной России. Не вдаваясь в анализ этих изданий – это совершенно специальная тема – выделим одно из них – трехтомную историю Бурятии, осуществленную по инициативе и при научном руководстве академика РАН Б. В. Базарова. Это издание – своего рода выражение сыновьего долга Б. В. Базарова перед историей своего народа, его исторической памятью, а вместе с тем и назидание потомкам, призыв к ним понимать и любить свой родной край, как это делает идеолог упомянутого издания. Предлагаемая вниманию читателей статья двух профессоров исторического факультета Иркутского государственного университета находится в тренде основных идей трехтомной истории Бурятии и, как надеются авторы, позволяет подвести некоторые итоги изучения положения национальных окраин в составе российской империи и то же время понять, что тема эта еще далеко не исчерпана. В основу статьи положены нормативные акты романовской империи и делопроизводственные материалы, извлеченные авторами из бывших императорских архивов.

Одной из важнейших особенностей исторического развития России был фактор ее «огромности». Раскинувшись на территории двух материков – Европы и Азии – общая площадь Российской империи в результате территориальной экспансии увеличилась с 14,1 в 1649 г. до 21,8 млн кв. км к началу Первой мировой войны, т. е. в 1,55 раза. Романовская империя по площади стала крупнейшим государством мира. Все европейские страны по это-

му показателю существенно отставали от России. За это же время численность населения возросла с 6,7 до 178,4 млн человек. Весь период истории империи характеризуется возрастанием удельного веса населения России в мире. Если к середине XVIII в. доля населения России в Европе составляла примерно 18%, то к началу XIX в. она возросла до 22, к середине XIX в. до 27, к началу XX в. до 32%. Россия стала самым населенным государством Европы. Каждый третий житель Европы был подданным российского монарха.

Еще одной важной исторической особенностью России стал фактор ее многонациональности. Территориальная экспансия России на протяжении XVI–XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии превратили ее в многонациональную империю. В начале XX в. на территории России проживало около 200 больших и малых народов, отличных по языку, культуре, религии, менталитету и т.д. Постепенно Российская империя стала своеобразным союзом этносов, в котором различные народы и культуры научились жить вместе. На первом месте по численности находились русские, составляющие в 1915 г. примерно 44,6%, далее следовали украинцы – 18,1, затем поляки – 4,2 процента, евреи и белорусы – 4 процента. Как видим, в отличие от середины XVII в., когда русские составляли 95% населения государства, в романовской империи к началу XX в. титульная нация оказалась в меньшинстве. Данное обстоятельство накладывало существенный отпечаток на этническую структуру государства. Национальный вопрос был отнюдь не простым для российского правительства. Россию периодически сотрясали мощные национальные конфликты. С учетом того обстоятельства, что нерусское население в большинстве своем проживало на инкорпорированных в XVIII и XIX вв. окраинных и сопредельных с иностранными государствами территориях империи, окраинная политика становилась важным фактором политической стабильности российского государства.

Здесь следует отметить, что Россия со времени своего возникновения была страной многонациональной. Уже в Древней Руси славянские племена, проживавшие в районе Новгорода, были тесно связаны с племенами неславянского происхождения, такими как чудь, карела, меря, весь... Именно с ними славяне и «ходили» за морем, «к варягам, к Руси», приглашать Рюрика и его

братьев Синеуса и Трувора на княжение. Дальнейшее развитие российской государственности, эволюция сословно-представительной монархии в империю происходили на протяжении длительного времени и не были результатом случайных процессов. Одним из наиболее характерных явлений этого периода стал процесс «собирания земель», а его важнейшей формой – внешняя политика, со времен Олега и Святослава направленная на укрепление и расширение границ государства. Стремление России к расширению своих границ не было каким-то исключительным явлением, характерным только для русского государства. Этот процесс можно наблюдать на примере многих цивилизаций Европы и США. В большинстве случаев типология данного явления вполне сопоставима. Как правило, для территориального роста того или иного государства характерно многообразие методов – от прямого завоевания до добровольного присоединения и подписания официальных документов. В Европе период складывания единых государств ознаменовался резким усилением борьбы за новые земли. Существующее до сих пор Британское содружество или, к примеру, Франция с ее заморскими департаментами являются в известной мере наследниками этой борьбы. Не являются исключением и США, территория которых создавалась не только в результате подписания договоров с индейскими племенами, но и путем откровенного насилия, военной экспансии. Сопоставляя процесс формирования территориальных границ на примере европейских государств, США и России, нельзя не прийти к заключению о том, что зачастую сложно отделить понятие экспансии, как насильственного присоединения земель, от мирной колонизации, как, прежде всего, земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства. Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колонизационном движении присутствовали и экономические мотивы. В то же время, созная всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь, политико-административ-

ное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции. Это было одно из проявлений взаимосвязей между внутренней и внешней политикой, присущих каждой стране на любом этапе ее истории. В качестве рубежа (одного из этапов) этого процесса следует выделить период середины XV–XVI вв. – время, когда произошли резкие изменения политического порядка Евразии. В данном случае подразумевается падение империй Византии и Золотой Орды. Именно эта постимперская ситуация представляла собой исходный пункт для возникновения Российской империи¹. Второй немаловажной составляющей рассматриваемой проблемы явилось взятие Казани в 1552 г. С Казанским ханством Московское государство впервые включило в свой состав вполне суверенное государство с неславянским и нехристианским населением. Именно опыт завоевания и включения Казанского ханства в Россию имел ключевое значение для имперской политики после 1552 г. Не случайно, таким образом, взятие Казани некоторые исследователи считают отправной точкой расширения границ России². Однако определяющим, в терминологическом смысле, этапом возникновения Российской империи явилось правление Петра Великого. Именно Петр построил империю. Для Петра, который в 1721 г. принял титул императора, завоевание новых земель представлялось естественной обязанностью монарха, не нуждающейся, таким образом, в каких-либо оправданиях. Изменение статуса монарха и государства, им представляемого, наглядно демонстрируют титулы Великого князя и императора, соответственно. «Се яз Князь великий Василей Васильевич, Московский и Новгородский и ростовский и Пермский и иных». Таков был титул Московского князя середины XV в. Официальный титул императора Петра первого уже включал в себя перечисления многих земель, которые в тот период уже входили в состав России: «...Император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский. Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Князь Лифляндский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных. Государь и ве-

¹ Андреас Каппелер. Формирование Российской империи в 15 – начале 18 вв.: Наследство Руси, Византии и Орды. // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое издательство, 2004. С. 94–115.

² Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской Империи (XVIII – начало XX века). М.: Изд-во МПГУ, 2001. С. 138.

ликий князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и вся Северная страна Повелитель и Государь Иверские земли, Карталинских и Грузинских царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных наследный Государь и Обладатель»¹. Сравнение этих титулов демонстрирует, как за сравнительно короткий промежуток времени из Великого княжества Московского образовалась огромная империя, которая раскинулась на двух континентах – Европе и Азии, от берегов Балтийского моря до Тихого океана. В результате активной внешней политики к началу XIX в. Российская империя заняла одну шестую часть суши и подчинила себе целый ряд территорий и народов, стоявших значительно выше ее по уровню экономического и политического развития.

Таким образом, под окраинами Российской империи понимаются территории Восточной Европы, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии, присоединенные к России с 1552 до 1905 гг., не принадлежавшие к зоне формирования великорусского этноса на Восточно-Европейской равнине². Между тем изменение политической и административной карты выступало только внешним признаком динамического развития слагающегося государства. За изменениями на административной карте России стоял процесс ее внутреннего строения. Создание империи, равно как и трансформация ее политической системы, происходили в параллели и одновременной связи с административно-территориальными преобразованиями как в центре, так и на окраинах. При этом следует учитывать то обстоятельство, что в силу вариативности геополитических характеристик окраинных территорий имперские процессы не могли протекать в них по единой, унифицированной схеме. В конечном итоге это обстоятельство обусловило столь длительное вполне устойчивое положение империи в целом. Именно мобильность, поливариантность управленческих моделей в различных регионах (окраинах) являлась мощным стабилизирующим фактором для Российской империи.

В течение всего рассматриваемого периода задача, стоявшая перед правительством, отнюдь не ограничивалась рамками административного устройства новых территорий. Параллельно

¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собрание и издание Археографической Комиссией. СПб., 1846. Т. 1. С. 42; Полное собрание законов-1. Т. 6. № 3850.

² Лысенко Л. М. Указ. соч. С. 138.

с имперским административным строительством на окраинах шел процесс вербального освоения новых территорий, осмысления их в привычных имперских терминах и образах¹.

Таким образом, к началу XIX столетия Российская империя представляла собой многонациональное государство, располагающееся на двух континентах – Европе и Азии. В политическом отношении она являлась конгломератом множества регионов, как внутренних, так и окраинных. При этом следует отметить то обстоятельство, что процесс включения регионов в имперское пространство имел неоднородную типологию. Традиционно территории присоединялись либо посредством военной силы (в результате военного конфликта), как было с Финляндией, либо путем добровольного вхождения в состав империи. Примером последнему служит манифест о добровольном вхождении Грузии в состав России².

В конечном итоге в основе территориального расширения лежали, прежде всего, имперские военно-стратегические и экономические интересы. Однако задача заключалась не только в территориальном увеличении государства, но и прежде всего в интеграции новых земель в имперское политико-административное пространство. Процесс этот был сложен и длителен. Преобладающее влияние на него оказывало место и значение той или иной окраинной территории в имперском механизме (экономическом, политическом и пр.) Это обстоятельство обусловило появление в процессе освоения окраин элементов имперского регионализма³.

Таким образом, при выработке основ окраинной политики по отношению к конкретной территории правительство, прежде всего, руководствовалось значением региона для государства, а в конечном итоге, его статусом в составе империи. Понятие статуса отнюдь не являлось аморфным. Оно определялось целым рядом позиций, объективных и субъективных. Окраины различались, прежде всего, по уровню социально-экономического и политического развития, а также по национальному составу.

Процесс «оцентрирования границ» завершился во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. К осени 1917 г. российская монархия представляла собой

¹ Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 18. ПСЗ-1. Т. 30. № 22991; Т. 26. № 19721, 20009.

² Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2005.

унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения. Еще раз подчеркнем, что к 1917 г. большую часть населения империи составляли нерусские народы, проживающие преимущественно на окраинах государства. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако одним из наиболее важных принципов выстраивания дискурса центр – национальная окраина (периферия) был вопрос о характере вхождения той или иной территории в Россию, о существовании или наоборот отсутствии в ней государственности, общепризнанных в Европе норм права и т. д. Именно это обстоятельство предопределило появление своеобразных политических автономий на карте Российского государства, какими, например, были Польша и Финляндия.

Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Она была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «инородческое» самоуправление на низшем уровне. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общим для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношение полномочий центра и периферии было просто несопоставимо.

На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпора-

ции территорий. Во всех регионах – Польша, Финляндия, Кавказ, Сибирь – наблюдается стремление царизма опереться на национальную элиту. После взятия Казани привилегии и земли лояльной татарской аристократии были сохранены, на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока шел процесс формирование местных элит, состоящих из представителей родовой знати и старшин местных народов, представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т. д.¹. Более того, в регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов². Предпринимались даже попытки их кодификации³.

В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и их населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Сибирские инородцы, к примеру, освобождались от отбывания воинской повинности⁴, «своя» финансовая система существовала в Финляндии. Без одобрения сейма вводить новые налоги в Финляндии было нельзя. Княжество имело свою таможенную границу, а таможенное законодательство предоставляло право беспошлинной торговли с Россией, в то время как российские товары облагались пошлиной. Денежные средства княжество имело право хранить в зарубежных банках. Для другой западной окраины – Польши – конституция 1815 г. гарантировала

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 282; Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 24.

² Дамешек Л. М. Потестарные институты власти народов Сибири и их эволюция в административную систему империи в XVIII в. (к 280-летию со дня издания инструкции пограничным дозорщикам С. Л. Владиславича-Рагузинского и 250-летия именного указа Сенату «Об отправлении капитана Щербачева в Сибирь...» // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 2 (10). С. 68–77.

³ Дамешек Л. М. Избранное. В трех томах. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. Том I. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти. С. 211–223.

⁴ Дамешек Л. М. Потестарные институты власти народов Сибири... С. 68–77; Дамешек Л. М. Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы первой мировой войны // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 7. С. 79–87.

несомненную самостоятельность в области финансов. Именно в этой важнейшей экономической сфере деятельности государства правительство Царства обладало наибольшей независимостью. В 1815–1830 гг. Царство Польское было наделено важнейшими атрибутами финансовой самостоятельности: бюджетной автономией, казной и самостоятельной ответственностью по государственному долгу.

Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например, земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла¹. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание.

Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель, или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России, по мере ее продвижения с Запада на Восток, правительственные указы наоборот требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между абориге-

¹ Дамешек Л. М. Налоги и повинности народов Сибири в пореформенный период // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2015. Т. 11. С. 51–57.

нами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение русских на Восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания ангlosаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно различались между собой. В России этот процесс сопровождался распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, но тем не менее, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена.

Анализируя влияние этнического фактора на формирование окраинной политики, следует заметить, что, как правило, действие его проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности территории. Географический фактор оказывал непосредственное влияние на административно-территориальное устройство регионов, функции органов власти и управления, полномочия должностных лиц. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями. Такими, например, были Кавказский, Польский и Сибирские комитеты в центре¹ и институты наместников, генерал-губернаторов и главных управлений на местах. В этой структуре окраинного управления особое значение имел институт генерал-губернаторов как «главных блюстителей неприкосновенности верховных прав самодержавия...и точного исполнения законов и распоряжений правительства»². Наряду с генерал-губернаторами в ряде терри-

¹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи. XIX – начала XX вв. Palmarium Akademik Publishing is a trademark of: LAP LAMBERT Akademik Publishing GmbH 8 Co. KG Heinrich – Bochkinh. Str. 8, 66121 Saarbruchkn, Germanu. 2012. 441 с.; они же. Особые комитеты как органы управления окраинами империи XVIII – первой половины XX вв. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 3 (15). С. 85–100.

² Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Институт генерал-губернаторов Азиатской России: люди и структура // Вестник Бурятского научного центра. 2019. № 1 (13). С. 10–22; Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Социальный портрет генерал-губернаторского корпуса Азиатской России в свете одного юбилея. (К 210-летию со дня рождения генерал-

торий, как, например, на Кавказе, существовал институт наместников, обладающих широкими военными и административными правами по управлению регионом. Несмотря на стремление к централизации, петербургские власти реально сознавали невозможность концентрации всех властных функций по управлению окраинными территориями в столице и были вынуждены делиться частью из них с высшими должностными лицами регионов.

Небезынтересно отметить, что зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления были тем шире, чем дальше находилась от центра подведомственная территория. Известное значение в данном случае играл и внешнеполитический фактор. Эта особенность хорошо прослеживается на примере сопоставления должностных функций и обязанностей генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири, начиная со времени Н. Н. Муравьева (впоследствии графа Амурского), обладал известными дипломатическими полномочиями, специальной дипломатической канцелярией, чего не было у его западносибирского коллеги¹. Характерно, что местная власть зачастую была далеко не безгрешна в использовании и истолковании этих полномочий. Исследование корпоративной этики чиновничества свидетельствует о том, что масштабы злоупотреблений по службе в немалой степени зависели от удаленности от центра и, как следствие, отсутствия действенного контроля².

Структура местных органов управления и их функциональный характер в известной степени определялись и ресурсными факторами, экономическими потребностями по инкорпорации окраинных территорий в общероссийские экономические процессы. В Сибири, например, были открыты Алтайский и Нерчинский горные округа, в связи с началом активной добычи золота в структурах Главных управлений Западной и Восточной Сибири были учреждены специальные горные отделения, с началом массового переселения на местах начали действовать специальные переселенческие отделы.

губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019 № 3 (35). С. 10–24.

¹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Азиатское приграничье и внешнеполитические полномочия генерал-губернаторов Азиатской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 21–25.

² Ситов В. И. Корпоративная этика чиновничества Восточной Сибири в царствование императора Николая I. Автореферат дис. канд. ист. наук. Иркутск. 2001. 23 с.

Влияние ресурсного фактора находило выражение и в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. был принят ряд законов по охране сибирских лесов, временном прекращении добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т. д.

На характер взаимоотношений центра и окраинных регионов несомненное влияние оказало и интенсивное железнодорожное строительство, в частности развитие средств связи, системы коммуникаций в целом, что открывало перспективу активной экономической эксплуатации окраин империи. В конце XIX в., в связи с усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство, значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии и, как следствие, разработку единого законодательства, исключающего какие-либо местные особенности. Не случайно, что именно в это время появляется такое понятие, как Азиатская Россия. Несмотря на определенный географизм, оно отражало те важные изменения, которые происходили во взаимоотношениях между модернизирующейся империей и обширным зауральским краем во всех сферах – экономической, административной, социокультурной. Итогом этого стало превращение Сибири в часть России. Единство государственных учреждений с единым государственным языком и единой религией, развитие коммуникаций, распространение русской земледельческой колонизации, строительство Транссиба способствовали не только укреплению связей окраин и центра, но и дальнейшей интеграции восточных окраин в состав империи, «превращению» Сибири в Россию. Образование единого административно-правового, экономического и культурно-языкового пространства способствовало тому, что Россия как бы передвинулась за Урал.

Понятие «окраина» давно присутствует в российской административной практике, однако внутреннее содержание его менялось. Процесс содержательного насыщения понятий «центр», «периферия», «окраина» неразрывно связан с периодом формирования единого российского государства второй половины

XV – начала XVI в., когда под окраиной стали пониматься земли, не только удаленные от «центра», но и находящиеся в подчиненном к нему положении.

При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ. Однако реализация только одного из названных принципов – доходности края – применительно к столь различным по уровню экономического развития и другим параметрам территориям, как Польша и Сибирь, Кавказ и Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий.

Включение в состав Российской империи территорий с иноязычным населением каждый раз ставило перед правительством проблему включения его в общую правовую и административную систему¹. Постоянная борьба в правительственных сферах между сторонниками жесткой регламентации управления окраинами, с одной стороны, и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий, с другой, порождала непоследовательность и противоречивость этой политики на протяжении всего периода существования романовской империи., Особенно это стало заметно в XIX в., когда во внутренней политике правительства можно отчетливо наблюдать тенденцию к административно-финансовой унификации и в то же время необходимости учета территориальных и национальных особенностей окраин империи. Первым и основным принципом окраинной политики на вновь присоединенных территориях стало сохранение существующего порядка землепользования, верования, и культуры в целом. В качестве примера укажем на восток страны, где эти противоречия проявились в правительственном подходе по отношению к вопросам землевладения государства и коренного населения. Со времени вхождения Сибири в состав России она стала предметом эксплуатации, организованной самой центральной властью. Правительственная позиция в отношении коренного населения определялась на первых порах фискальными интересами. Объявив себя сувереном и собственником земли, московские власти вместе с тем стремились сохранить значительную часть сибирских терри-

¹ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 131.

торий в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение ими основной обязанности – уплаты ясака пушной. Поэтому центральная власть по мере возможности пыталась не нарушать традиционных форм землепользования аборигенов и не допускать столкновений коренного населения и колонистов из-за земли. Именно финансовые соображения предопределили позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Уже первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и «иноверцев» из-за земли. Когда в 1639 г. татарские жители волостей Ермолаевой, Колмаковой и др. в Западной Сибири пожаловались государю, что «русские крестьяне... поселились дворами своими на их землях», отняли пашни и покосы, а в «наших угодьях промышляют бобров, лисиц и соболей», местные воеводы немедленно «приняли сторону» иноверцев и со своей стороны обратились в Москву с просьбой «свести» русских крестьян с «иноверческих» земель, что и было сделано¹. Аналогичные принципы правительственного подхода к «иноверческим делам» можно наблюдать и на Дальнем Востоке на примере действия там отряда Е. П. Хабарова в 1649 г. На Амуре Хабаров вместо того, чтобы призывать «иноверцев» в русское подданство «ласкою и приветом», как требовали того царские инструкции от Начальничков всех отрядов землепроходцев, грабил, жег, насиловал и убивал. Именно поэтому в сентябре 1653 г. он был отстранен от должности прибывшим с инспекционной поездкой из Москвы дворянином Д. И. Зиновьевым, а новым приказным человеком на Амуре назначен О. Степанов². В XVII в. для московских Романовых Сибирь была неисчерпаемым источником ценной «мягкой рухляди». Правительственные указы требовали взимать ясак исключительно мехами³. Однако к началу XVIII в. правильность такой политики оказалась под сомнением. Соболю был почти повсеместно выбит, и у многих «иноверцев» охота стала

¹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. С. 330–332.

² Артемьев А. Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVIII – 1860 г.) // Русская Америка и Дальний Восток. Конец XVIII – 1867 г.: К 200-летию образования Российско-Американской компании: материалы междунар. науч. конф. (Владивосток, 11–13 окт. 1999 г.) / Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока; отв. ред. А. Р. Артемьев. Владивосток, 2001. С. 287.

³ О ясачной политике самодержавия в Сибири подробнее см.: Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX веков. Иркутск. Изд-во ИГУ, 2014. 303 с.

превращаться в подсобное занятие – с одной стороны. С другой, интенсивный приток русского населения, потребности в развитии надежной продовольственной базы на Востоке заставили правительство взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясака, но и как на потенциальных хлебопашцев. Правда, до конца XVIII в. поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить аборигенов к занятию исключительно пушным промыслом. Однако в XIX в. попытки обеспечить приоритет звероловства над хлебопашеством были уже нежизненными, тем более, что развитие в Сибири горной промышленности, начало массовой золотодобычи, рост численности городов и русского населения в целом порождали все возрастающий спрос на продукты земледелия. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири и, как результат, возрастанию оседлости. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь¹.

Здесь необходимо отметить, что распространение пашенного земледелия у народов Сибири имело целью не только экономическую, но и их социокультурную инкорпорацию в составе империи, а в конечном итоге превращение Сибири в Россию. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться и думать по-русски. В этом смысле проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались и были призваны обеспечить стабильность империи на перспективу. Именно такую задачу колонизации Сибири видели современники, отстаивающие идею «поглощения» русским национальным ядром восточных окраин империи. Эта особенность прослеживается в решениях первого и второго сибирских комитетов, иных властных органов конца XIX в.

Следующим важным принципом окраинной политики стало широкое сотрудничество имперской администрации с местными элитами. Эта тенденция отчетливо прослеживается не только на примере анализа соответствующих разделов «Устава об управлении инородцев» М. М. Сперанского 1822 г., но и на материале

¹ История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. М.: Прогресс, 1995. С. 118.

лах польской конституции 1815 г., в политике на Кавказе, выразившейся в приравнении грузинского дворянства к русскому, на левобережной Украине.

Но если главной целью российской политики на Кавказе была его инкорпорация в империю, то при разработке модели окраинного управления в Финляндском княжестве столичные чиновники руководствовались иными соображениями. Присоединением Финляндии Россия стремилась достичь двух целей: во-первых, прочно гарантировать мир на северо-западе империи, выйдя к морскому побережью и обезопасив себя Ботническим заливом, как вром, от любых попыток нападения со стороны Швеции; во-вторых, гарантировать безопасность своей северной столицы, отодвинув от нее как можно дальше государственную границу. Обе указанные задачи носили исключительно оборонительный характер и полностью решались присоединением Финляндии. Заметим, что в исследуемый период времени царское правительство не делало секрета из того, что Финляндия была необходима империи из военно-стратегических соображений. Присоединение Финляндии, по мнению современников этого события, являлось одним из «драгоценнейших приобретений» императора Александра I. Таким образом, Финляндия официально рассматривалась как территория, основное назначение которой – прикрывать Россию и особенно ее столицу с запада, служить гигантской оборонительной полосой. В то же время бывшая шведская провинция получила автономный статус Великого княжества Финляндского. Она приобрела привилегированное положение, причем не только по сравнению с другими национальными окраинами России, но и в первую очередь по сравнению с коренными областями империи. Такое положение новой окраины объяснялось довольно просто: чтобы привлечь бывших шведских подданных на свою сторону, царское правительство пошло на ряд уступок. Русские власти сохранили в княжестве сословное собрание (сейм) и оставили в силе шведскую законодательную систему. Находясь в составе Российской империи, Финляндия была абсолютно автономна – как в политическом, так и в экономическом плане: ее бюджет не сливался с общероссийским, общим с империей у нее оставался лишь глава государства – монарх.

Поливариантность российской окраинной политики можно наблюдать и на примере Польши. На Венском конгрессе 3 мая 1815 г. фактически произошел новый, четвертый раздел Польши. В ре-

зультате Россия, удерживая за собой польские земли, полученные ею по предыдущим разделам, получила большую часть княжества с городом Варшавой под названием Царства Польского. Захватив большую часть Польши, Александр I и его преемники сделали фактически вершителями судеб польского народа вплоть до начала XX в.¹ В декабре того же 1815 г. Царство Польское получило конституцию, в соответствии с которой польскому народу гарантировались представительство на двухпалатном сейме и национальные государственные учреждения, согласно «с образом существования, который правителем будет признан полезнейшим и приличнейшим для них»². В конституции поляки видели базу дальнейшего развития польской государственности. Фактически в период 1815–1830 гг. Польша являлась автономной провинцией Российской империи. Кроме общего монарха, русского закона о престолонаследии, Царство Польское имело с Россией лишь общие органы для внешних сношений: Министерство иностранных дел и консулов. Даже официальная переписка шла на французском языке. При этом трактаты, заключенные Россией, только тогда были обязательны для Царства Польского, когда в них о том особо оговаривалось³.

Польское восстание 1830–1831 гг. положило конец конституции 1815 г. – ее упразднили. Взамен 26 февраля 1832 г. явился на свет «Органический статут», согласно которому Царство объявлялось частью России, упразднялись сейм и польское войско. Старое административное деление на воеводства было заменено делением на губернии. По сути это означало принятие курса на превращение Царства Польского в русскую провинцию – на территорию Королевства распространялись действовавшие во всей России монетная система, система мер и весов.

С определенными проблемами сталкивалось самодержавие и при выработке региональной политики в Сибири. Блеск первых пудов сибирского золота привел к возрождению в правительственных кругах интереса к этой восточной окраине, заставил предпринять усилия по улучшению ситуации в области управления, налоговых поступлений и др. Однако проекты хозяйственно-

¹ Друнин В. П. Польша. Россия и СССР: Исторические очерки. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1928. С. 102.

² ПСЗ-II. Т. 23. № 25824.

³ Саломон А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и соврем. положения: Для... Комис. о мероприятиях по отмене ссылки. СПб.: тип. С.-Петербур. торьмы, 1900. С. 26.

го развития края 20–40-х гг. XIX в. были, как и в случае с Кавказом, весьма противоречивы. Применительно к Сибири единство взглядов проявлялось лишь в понимании значения переселения служилого и земледельческого населения в Зауральский край как основного средства обеспечения военно-стратегического присутствия России на Востоке.

Таким образом, в первой половине XIX в. правительство не смогло выработать универсальную модель управления окраинами. Политика унификации этой системы наталкивалась на неприятие и явную оппозицию противников такого подхода. На практике самодержавие было вынуждено учитывать различное геополитическое и экономическое значение окраинных территорий для судеб государства. Исходя из этого, понимались и определялись конкретные подходы к организации управления и административного устройства окраин империи. Эта политика, получившая в последнее время название «политики имперского регионализма», способствовала устойчивости империи¹. Во второй половине XIX в. правительственная политика в отношении окраин империи формировалась и развивалась как составная часть внутренней политики самодержавия в целом. По сути она была производной от внутривластных и внешнеполитических задач, решаемых центром. Несмотря на неоднократные попытки, правительству не удалось сконструировать единую модель окраинной политики. В основе таких явлений лежали различия взглядов правительственных чиновников на судьбы окраинных земель в составе России и геополитические особенности самих территорий. Поэтому на примере западных и юго-западных окраин – Финляндии, Польши, Кавказа – можно наблюдать поливариантность российской политики по отношению к окраинным территориям, ее достаточную гибкость: от абсолютной унификации с Россией до предоставления полной автономии. При этом российские автономии не были едины в своей внутренней структуре. Финляндия представляла собой форму политической автономии в составе Российского государства, польская автономия являла пример трансформации конституционно-монархического устройства в обычную административную автономию².

¹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Перцева Т. А. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2017. 341 с.

² Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX–начало XX вв.). Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2005. С. 230.

Эпоха контрреформ¹ начала 80-х гг. охарактеризовалась изменением имперских подходов к управлению всеми российскими окраинами. По характеристике известного американского русиста Марка Раева, «правительство Александра III вступило на путь воинствующего шовинизма», когда в остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации². Одним из направлений внутривосточной деятельности российского правительства в период конца XIX – начала XX вв. было завершение инкорпорации окраин в империю. Ее осуществление предполагалось посредством постепенной «русификации-унификации» окраин с остальной территорией государства. Единая Россия должна была стать унифицированной не только в административном, но и в культурном, а значит, языковом смысле³. В остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации. Русский язык становится обязательным в административных учреждениях, а местные чиновники постепенно замещаются русскоговорящими. В отличие от первой половины века, когда в основе окраинной политики лежали принципы регионализма, со второй половины столетия в основе имперских подходов к управлению окраинами преобладающим стал жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры.

L. M. Dameshek, I. L. Dameshek

Russian outskirts in the system of inner policy by empire of XVIII – beginning of XX cc.: concepts, law and practice

Abstract: The article examines the features of formation of Buryat ethnos, on this basis of which the Empire's policy in national regions is analyzed. So, it has been noted the emergence of new ideology of the Empire, which connected with comprehension of idea about «united and undivided Russia» and theory of «inner imperialism». Also, the article shows the appearance of Russian enclaves, so-called islands

¹ Авторы вполне сознают условность этого понятия и разделяют точку зрения, высказанную в новейших исторических исследованиях. См. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. в 4 томах. М.: РОССПЭН, 2016. Т. 3: Вторая половина XIX – начало XX в. С. 185–186.

² Раев М. Понять дореволюционную Россию (Государство и общество в Российской империи). Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. С. 225.

³ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 133.

among vast Asian world. This has arisen formation of theories such as «peaceful conquer», «revival» of the outskirts, «establishment of Russian civicism», that lead to having the idea of Russification of peoples. The projects of central and local governments, their conceptual proposals and concrete decisions are analyzed.

Key words: academician B. V. Bazarov, jubilee, history of Buryatia, national outskirts, imperial policy, concepts, law, practice.